

Научная статья
УДК 821.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301
EDN: QKRLIX

«ДОМ» И «МИР»¹ В СОЗНАНИИ ГЕРОЯ ПОВЕСТИ И. КАПАЕВА «САЛАМ, МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ!»

Насипхан Хусиновна Суюнова^{1,2}

¹ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Аннотация. В статье исследуется опыт художественного осмысления проблемы взаимосвязи Дома и Мира в сознании еще одной ипостаси сквозного героя (Карамова) ряда произведений И. Капаева. Отмечается, что тема выбора героем с «потрясенным сознанием» способа взаимодействия с Миром является лейтмотивной в прозе И. Капаева, и судьба каждого из его Карамовых представляет собой вариант ее реализации.

Встреча с Миром героя анализируемой повести, аульского механизатора Мухтара Карамова, произошла во время его первого в жизни выезда из Дома – поездки по путевке на ялтинский курорт. Безбрежное море, многолюдная набережная – метафора этого мира. Он также персонифицирован в образе Ивана Харитоновича Калягина, донецкого шахтера, соседа Карамова по номеру. Герой, поначалу подавленный великолепием, многообразием открывшейся перед ним не очень понятной действительности, восхищенный личностными качествами Ивана Харитоновича, избирает бесконфликтный способ взаимодействия с этим миром: копирует модели поведения его обитателей, называет себя более органичным для него именем Михаил Андреевич, пытается механически перенести его порядки в свою домашнюю жизнь. Однако конфликт укореняется в сознании Карамова. Писатель сосредоточивает внимание на причинах внутренней неудовлетворенности героя, оказавшегося однажды между Домом и Миром, и видит ее в более развитой, чем у земляков, индивидуальности. Мухтар Карамов испытывает подлинный интерес к большому миру, но также и потребность в равноправном, сохраняющем его собственные ценности, диалоге с ним. Долгая игра героя на свирели во дворе своего дома в открытом финале повести символизирует непростой характер его рефлексии.

В качестве материала для анализа в статье использован текст исследуемой повести на языке оригинала. Для цитирования привлечен переводной текст на русском языке.

Ключевые слова: Дом, Мир, герой-личность, модель мира, индивидуальность героя, диалог, рефлексия.

Для цитирования: Суюнова Н.Х. «Дом» и «мир» в сознании героя повести И. Капаева «Салам, Михаил Андреевич!» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 289-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301. EDN: QKRLIX.

© Суюнова Н.Х., 2024

¹ «Дом и Мир» – концепты, вынесенные в заголовок монографии К.К. Султанова / Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 301 с.

Original article

«HOME» AND «WORLD» IN THE CONSCIOUSNESS OF THE HERO OF I. KAPAEV'S STORY «SALAM, MIKHAIL ANDREEVICH!»**Nasipkhan Kh. Suyunova**^{1,2}

¹ Karachay-Cherkessian "Badge of Honor" Institute for Humanitarian Research named after Kh.Khapsirokov, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² U.D.Aliev Karachay-Cherkessian State University, Karachaevsk, Russia.

Abstract. The article analyses the experience of artistic comprehension of the relationship between “Home” and “World” in the consciousness of another one incarnation of the cross-cutting hero (Karamov) through several works of I. Kapaev. It is noted that the theme of choice of the way of interaction with the World by a hero with a “shocked consciousness”, represents leitmotiv in I. Kapaev’s prose, and the fate of each of his Karamovs appears as a variant of its realization.

The hero of the analyzed story, Mukhtar Karamov, an agricultural machinery operator, encounters the World” at his departure from “Home”, first in his life - during a trip to the Yalta resort. The boundless sea, crowded embankments represent here a metaphor for this World. This World is also personified in the image of Ivan Kharitonovich Kalyagin, a Donetsk miner, Karamov’s roommate. The hero, at first overwhelmed by the splendor and diversity of the not very clear reality that opened before him, admiring Ivan Kharitonovich’s personal qualities, chooses a conflict-free way of interacting with this world: he copies the behavior patterns of its inhabitants, calls himself Mikhail Andreyevich, a more organic name for him, and tries to mechanically transfer its patterns into his home life. However, the conflict takes root in Karamov’s consciousness. The writer focuses on the reasons for the inner dissatisfaction of the hero, who once found himself between Home and the World, and sees this dissatisfaction in a more developed individuality than that of his fellow countrymen. Mukhtar Karamov feels a genuine interest in the big world, but also the need to dialog with it, equally preserving his own values. The hero’s long playing of the whistle in the courtyard of his house in the open finale of the story symbolizes the uneasy nature of his reflection.

As material for analysis, the article uses the source language text of the analyzed story. The text translated into Russian is used for quoting.

Keywords: Home, World, hero-personality, model of the world, hero’s individuality, dialog, reflection.

For citation: Suyunova N.Kh. «Home» and «world» in the consciousness of the hero of I. Kapaev’s story «Salam, Mikhail Andreevich!». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 289-301. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-289-301. EDN: QKRLIX.

© Suyunova N.Kh., 2024

Среди произведений ногайского писателя Исы Капаева (род. в 1949 г.), увидевших свет в 70-80-е годы прошлого столетия, примечательна повесть «Салам, Михаил Андреевич!», представляющая собой историю одной из ипостасей сквозного героя по фамилии Карамов ряда повестей и романов писателя. Впервые повесть была опубликована на русском языке в журнале «Знамя» в 1982 году [Капаев 1982]. На ногайском языке она увидела свет спустя два года в Черкесске, в составе одноименного сборника рассказов и повестей Капаева

[Капаев 1984]. Затем последовали и другие ее публикации на русском и ногайском языках [Капаев 1985; Капаев 2011].

Диалектику эволюции сознания своего героя alter ego И. Капаев последовательно начал прослеживать в более ранних повестях: «Куржун, в котором спрятано детство» [Суюнова 2024: 215-226], «Сказание о Сынтаслы», продолжил в последующих произведениях – повести «Синие снега» [Суюнова 2023: 354-371], в романах «Вокзал» и «Книга отражений».

Содержательно отличен, но одинаково сложен, тем самым и интересен опыт встречи и формы взаимодействия с большим миром каждого из Карамовых. Открытые ими истины, усвоенные уроки, сформированные убеждения художественно полноценно и психологически достоверно осмыслены писателем в перечисленном ряду его произведений. Наряду с диалектикой четко «становящегося ряда» (Бахтин) личностной эволюции героев «Сказания о Сынтаслы» и «Вокзала», в последующих произведениях И. Капаева («Салам, Михаил Андреевич!», «Синие снега», «Книга отражений») мы видим не только то, «кто есть герой, и «что есть черты действительности для его самосознания» [Бахтин 2024: 77], но также и взаимоотношения идентичностей, без их «какой-либо попытки «отмены» друг друга» [Султанов 2019: 143].

Итак, для исследования в качестве одной из версий встречи капаевского героя с Миром, осмысления им на фоне новых впечатлений происходящего в Доме, последовавших за этим важных трансформаций в его сознании избрана повесть «Салам, Михаил Андреевич!» При этом наиболее эффективными, адекватными целям и задачам настоящей статьи представляются герменевтический, семиотический и психологический методы анализа текста.

Поскольку повесть «Салам, Михаил Андреевич!» не исследовалась специально, ее материал включался лишь в обзорную часть квалификационной работы и отдельные публикации [Суюнова 1999; Караева 2019: 310-312], актуальность предложенной в статье научной интерпретации данного произведения очевидна.

Цель исследования – осмысление одного из проявлений влияния постмодерна на многонациональную литературу 70-80-х гг. XX века, когда объектом авторского внимания преимущественно становился внутренний мир, сознание героя-личности. Написанная именно в этот период повесть И. Капаева и есть история героя-личности с «потрясенным сознанием», в котором он (Мухтар Карамов) пытался совместить ценности Дома и Мира.

Анализ судеб Тенгиза («Сказание о Сынтаслы») и Истэма («Вокзал»), первых из капаевских Карамовых – молодых людей, увлеченных творчеством, показывает, что при различных исходных данных (Тенгиз рос в ауле, в национальной среде, а Истэм – на «перепутье», между аулом и городом), оба идентичным образом ищут себя во времени. Они (каждый на своем уровне), будучи в начале жизненного пути, пытаются интегрироваться в хронотоп большого мира через примирение национального и универсального в своей картине мира, то есть, добиваясь их органического единства.

Несколько иной предстает природа драмы и попытка ее разрешения в сознании главного героя следующей повести И. Капаева «Салам, Михаил Андре-

евич!»). Мухтар Алим-гиреевич Карамов – еще одна ипостась сквозного героя Капаева. Драма его сознания, потрясенного открывшимся перед ним в буквальном смысле пространством большого мира – в центре повести, и художественный поиск писателя здесь не менее напряжен, чем в его предыдущих произведениях.

В социально-психологическом плане Мухтар Карамов противоположен Тенгизу и Истэму, молодым людям с выраженной творческой натурой, психологически еще не созревшим, находящимся в самом начале взрослого периода жизни, только создающим семьи (Истэм – и вовсе молодой интеллигент со столичным образованием). Мухтар – механизатор, отец четверых детей, человек зрелый, сложившийся, с устоявшимся укладом жизни и ясным мировоззрением, за плечами которого тяжелое детство и юность. Однако его природе также не чуждо творческое восприятие мира. Именно оно в основе той впечатлительности, которую проявил Мухтар при первой встрече с большим миром, символизированным в образе бескрайнего моря, открывшегося перед его взором в первый день его курортного отдыха в Ялте.

Творческое начало в герое, способность тонко чувствовать обозначены автором в его увлечениях. Одно из них – столярное дело. В летнем сарае аульского дома Мухтара «аккуратно развешаны стамески, рубанки, пилы, ножовки»¹, он «гладит руками доски», «вдыхает сладковатый запах стружки», от всего этого «у него улучшается настроение». «Он любит мастерить детворе всякие пу-стяковины: деревянные арбы, мельницы, пистолеты, сабли, глиняных лошадей, собак, свистки...». Кроме того, Мухтар «никогда не расставался со своим *сыбызгы*²». «Стоит ему заиграть, как уходят мрачные мысли, светлеет на душе, словно в непогоду выглянуло из-за туч солнце, а в жару набежал прохладный степной ветерок». Еще мальчишкой-подпаском он «впитывал заунывные, тревожащие кровь старинные ногайские напевы...», от этого «было хорошо, мирно, уютно» на душе.

Впечатлительность, рассудительность, умение ценить простые человеческие радости, способность к сопереживанию выработаны и укоренены в характере Мухтара как его, возможно, и нетипичная реакция на тяжелые эмоциональные и физические испытания, пережитые им в детстве: смерть отца, страшный голод, предательство близких, отказавших мальчику с умирающей матерью на руках, в куске хлеба. В ту страшную пору он не только не озлобился на мир, но даже смог познать, благодаря добрым людям, светлую сторону жизни, испытать другие эмоции – счастье облегчения тягот с помощью тети Шайдат и усыновившего его аульчанина Огурлы. Свой долг перед ними впоследствии Мухтар исполнил на уровне сыновнего.

Карамов встретил свою будущую жену Ольмесхан еще совсем молодым и сразу влюбился. Создали семью, вместе строили дом, обустроивали быт и хозяйство, также вместе, стойко пережив страшное горе – смерть новорожденных детей-первенцев – мальчика и девочки, растили родившихся после четверых

¹ Здесь и далее цит. по тексту: *Капаев И.С.* Салам, Михаил Андреевич! / *Капаев И.* Гармонистка. – М.: Современник, 1985. – С. 3-61.

² *Сыбызгы* – ног. «свирель»

детей. «В глазах аульчан Мухтар и Ольмесхан были единым понятием – семьей Карамовых».

Вполне обычный, заурядный, однако любящий свое дело, «знающий девяноста девять болезней трактора», Мухтар прослыл среди *ямагата*¹ блюстителем его норм, степенным человеком, с устойчивым характером. Однако внешние проявления традиционной патриархальной суровости сочетались в нем с недемонстрируемой нежностью к Ольмесхан и к детям, со способностью к рефлексии. То есть его внутренний мир был сложнее и богаче того представления, которое может сложиться о нем. Порой он впадал в «необъяснимое унынье», и «жизнь начинала казаться пустой, неинтересной, хотелось, чтобы в ней произошло что-то неожиданное, но что именно – Мухтар и сам не знал».

Это «что-то» в его жизни случилось, когда по настоянию семьи и товарищей по работе, он согласился поехать по выделенной ему путевке на черноморский курорт.

До первой такой обстоятельной встречи с большим миром (с месячным погружением в ритм и суть его жизни) все свои годы Мухтар прожил в родном ауле, в замкнутом пространстве национального мира. И. Капаев реалистично описывает повседневность, быт Карамовых, воспитание детей, взаимоотношения, подчиненные семейной стратегии «жить не хуже других». И это есть предисловие к своего рода творческому эксперименту писателя, решившего попробовать столкнуться с реалиями большого мира именно такой тип личности из среды своих соплеменников. Наблюдения за реакцией сознания такого укорененного в своей среде героя на внешний вызов и легли в основу повести.

Выход в большой мир (поездка в Ялту на отдых) заставил Мухтара по-иному взглянуть на свою привычную, каждодневную жизнь, почувствовать постепенное ее наполнение тем, чего, как он чувствовал, ранее недоставало, он по-новому стал ощущать и осознавать себя в ней. Персонафикация писателем двух миров: национального – в образе Мухтара и универсального – в образе Ивана Харитоновича Калягина, его соседа по комнате, структурирует в дальнейшем пространство повести. Знакомство и месяц жизни Мухтара, прошедший в компании Ивана Харитоновича, являют читателю представленную в авторском осмыслении диалектику взаимодействия этих двух систем мировосприятия – Дома и Мира. Впрочем, «притирка» с этим новым у Мухтара началась с момента первых впечатлений от него, еще до появления Ивана Харитоновича в сюжете повести. Так, герой не сразу смог принять «многолюдье города, пеструю праздную толпу», справиться с новыми эмоциями: «нанервничался, пока искал дом отдыха», «оробел от казенной чистоты, от светлых покрывал» в «маленькой на двух человек комнате», «не осмелился разобрать постель, не знал, можно ли днем спать», «посидел на краешке стула, не решаясь распаковать чемодан...». Но настоящее потрясение он почувствовал на набережной: подойдя поближе к парапету, «чуть было не вскрикнул от восторга и изумления». Похожие чувства испытал автобиографический герой ранней повести И. Капаева «Куржун, в котором спрятано детство», когда с высокого холма взору

¹ *Ямагат* – ног. «общество»

маленького мальчика вдруг открылась панорама родного аула: «Я оглянулся и замер...». Тогда высокое небо, сливавшееся с очертаниями далеких гор, манило его: «А что там, за небом?» Похожим было ощущение Тенгиза («Сказание о Сынтаслы») с его страстью к созерцанию бескрайнего звездного неба. Ощущение того, что спустя много лет, тот же герой И. Капаева (в образе Мухтара) вновь стоит, теперь уже перед новыми далями – безбрежной гладью морского пространства, вполне осязаемо: «Оно было беспредельно и, теряясь вдали, сливалось с небом, отчего казалось, что этот зеленовато-серый простор, переходящий в голубое небо, поднимается ввысь, нависает над землей и нет ему конца... Мухтар много раз видел море по телевизору и знал, что это... огромный водоем... с границами ... И все же казалось невероятным, что где-то там, вдали, есть предел этой величественной, полной затаенной мощи, стихии..., он ощутил всю огромность пространства...», при виде теплохода с туристами, «представил города, народы, страны, разделенные-объединенные морями и океанами». Конечно, герой «и раньше знал, что мир велик, что в нем множество людей и государств, но знания эти ничего не добавляли к пониманию им, Мухтаром, себя и своего места в жизни. Сейчас же пришло чувство необъяснимого единства, сопричастности и общности, слитности с окружающим: и с морем, и с небом, и с кипарисами..., пришло чувство, что он, Мухтар, частичка и часть некоего единства, в котором все взаимосвязано и взаимозависимо. Это потрясло Мухтара». И это потрясение от осенившего на берегу открытия ввергло его в мучительную рефлексию, соответствующим образом повлияло на самоощущение: он почувствовал себя незначительным, подавленным открывшимся великолепием. Но при всем этом, мир продолжил манить его к себе, и Мухтару даже показалось реальным стать его частью, он ведь уже здесь, уже живет в нем. Инстинктивно герой определяет способ взаимодействия с ним – бесконфликтный, предусматривающий полное принятие его законов.

Встреча Мухтара с новым миром и начало непосредственного взаимодействия с ним, начавшись с панорамы безбрежного моря, далее символизированы в сцене его знакомства со своим соседом по комнате – донецким шахтером Иваном Харитоновичем. «Бодро вошедший крепыш в серо-стальном костюме, ярко-красном галстуке», с «дорогим желтым чемоданчиком», окончательно смутил Мухтара Карамова, подавил в нем остатки уверенности. Пожимая руку соседа, он, неожиданно даже для самого себя, представляется ему Михаилом Андреевичем, посчитав, что его собственное имя неорганично для этого мира. Он стал даже на нем настаивать, когда Иван Харитонович уже запомнил было его настоящее имя, найдя его интересным. «Пожить с русским именем» – это было решение Мухтара, поскольку еще дома, видя, как некоторые из его земляков, выезжающих за пределы аула, называли себя русскими именами, тоже хотел, чтобы к нему хоть раз обратились по имени Михаил. Таким образом, Мухтар Алим-гиреевич, механизатор из ногайского аула, становится ялтинским курортником Михаилом Андреевичем.

Назваться своим именем – значит уметь отстаивать то, что стоит за ним. Мухтар оказался не готов к этому. Никогда он не смотрел на свою жизнь и на себя со стороны, с отдаления, не задумывался над тем, может ли хоть что-то из

нее заинтересовать других, живущих вне его мира. Более всего он осознал это после выразительного рассказа о себе словоохотливого соседа Ивана Харитоновича: «еще мальчишкой воевал, попал в плен, бежал, был партизаном во Франции; после войны пять лет рубал уголек, ... уже лет тридцать – диспетчером, лет пятнадцать отдыхаю в Ялте...». Мухтар, слушая это, стал осознавать свою ограниченность, ощутил себя скучным, неинтересным и оттого – подавленным. «Было обидно, что он не может так вот просто и понятно – рассказать Ивану Харитоновичу о своей жизни хлебороба: стеснялся чего-то, не знал, как начать, как закончить».

Завсегдатай ялтинского курорта, знавший о городе все, Иван Харитонович весь месяц пробыл гидом Мухтара, только открывавшего для себя новую реальность. Первое, что ощутил потихоньку осваивавшийся Мухтар – это «веселое недоумение», с которым оглядывали прохожие его каракулеву шапку, хромовые сапоги, китель и галифе. Впервые задумавшийся о своем внешнем виде Мухтар, с «легкой завистью глядя на молодо выглядевшего Ивана Харитоновича», решил, что «завтра же купит светлый пиджак и светлые штаны, и шляпу купит». Только после такого преображения Мухтар стал «смело смотреть в глаза прохожим; радовался, что ничем не отличается от других отдыхающих». За этим для героя последовали другие, более впечатляющие открытия, среди которых – частые поездки в Ливадию, любимое место Ивана Харитоновича, где Мухтар, «подражая другу, тоже, сделав глубокомысленное лицо, стоял перед часами» на Солнечной тропе. Он «оглядывал окрестности из беседки», но «не видел в прогулках по тропе ничего интересного». Так, изо дня в день, «покорно отправляясь с другом в Ливадию, становился все более унылым». Ему больше нравилась набережная, с красивыми зданиями, катерами и теплоходами, поскольку здесь ему было ясно, чем восторгаться. «Оглушающе ошеломляющее» впечатление Солнечная тропа произвела на Мухтара только после того, как Иван Харитонович сказал о том, что она Царская, что Дворец – летняя резиденция монархов, что в этом же Дворце проходила Ялтинская конференция. «И ты, Михаил Андреевич, ходишь там, где когда-то разрешалось бывать только особам царствующей фамилии!». «Раньше он (царь. – Н.С.) здесь ходил, а теперь я, тракторист Мухтар Карамов!» Это ощущение было достаточным основанием, чтобы начать видеть смысл в поездках в Ливадию.

Дальнейшее взаимодействие с большим миром готовило новые испытания для Мухтара. Первым из них стал пляж, с его купающейся и загорающей публикой, где он «ни за что на свете не осмелился бы оголиться» перед таким количеством людей. «Так и не научил я тебя отдыхать. Уедешь ни разу не испугавшись, не позагорав», – сетовал Иван Харитонович. Мухтар чувствовал, что не надо бы ему ходить на пляж, надоедливо, «как тень», за другом. Но море – метафора большого мира в повести – «манило, притягивало к себе, и Мухтар не мог устоять, хотя было ему среди загорающих неуютно». В такие моменты он не думал о доме, о семье, поскольку психологически соотнести, совместить в сознании свой домашний образ жизни с вновь обретаемым опытом он был пока не в состоянии. Впечатления были глубоки настолько, что буквально переворачивали сознание Мухтара.

Еще бóльшим испытанием для него явился вечер в «постыдном месте», на веранде ресторана «Сочи», который, в ответ на явные намеки женщин-соседей, организовал Иван Харитонович. «Мухтар, ссутулившись, на краешке стула, осмотрелся украдкой. Он впервые попал в ресторан, хотя побывать в таком заведении подмывало давно – слишком уж красочно описывали свои застолья товарищи по работе, когда возвращались из города...». Герой «не находил никакого удовольствия в выпивке», а «вкрадчивый, булькающий смех и легкое прикосновение Марии Алексеевны» его не тронули, напротив, он «испуганно поднял взгляд, невольно упавший в вырез ее голубого платья». От яркого канкана «его бросало в жар и пот», «он хотел отвернуться от танцовщиц, закрыть глаза, но побоялся, что его поднимут на смех – ведь все смотрят с удовольствием». Дома, если «показывали подобное безобразие по телевизору, Мухтар выключал его...». В итоге он буквально вырвался из этой компании, «чуть ли не прибежав в дом отдыха, рухнул на кровать». Ему приснились сразу шесть лягушек, в реальной жизни вызывавшие в нем брезгливость, но в этот раз во сне почему-то его «охватила какая-то сладкая истома».

Теплое прощание с Иваном Харитоновичем, символизирующее прощание с открытым для себя миром, было искренним. Мухтару «грустно, тяжело, больно» далось это расставание. Он надеялся, что этот опыт его общения продолжится: «Приезжай ко мне. Будешь самым желанным гостем. Отца своего не помню, тебя, как отца, приму», – просил он Ивана Харитоновича.

Мухтар – укорененный в «почву» человек, с незыблемым укладом жизни, устоявшимся мировоззрением, и месяц, проведенный вне своего Дома – слишком малый срок, чтобы он кардинально повлиял на его жизнь. Относительно быстро герой возвращается к своему привычному бытию. Ему в этом «помогла» реакция домочадцев на его преобразование в момент их долгожданной встречи. «Что с тобой, женщина?» – воскликнул Мухтар вместо заготовленных ласковых слов, увидев «недоуменно-растерянное лицо Ольмесхан, замершей с открытым ртом при виде мужа». Здесь же – «остолбеневший» сын Мурат, назвавший его «пижоном», «настороженные, испуганные» дочери. Несмотря на это, в первые дни после курорта герой продолжил отстаивать новообретенный опыт, пытался перенести его в свой быт, откорректировать семейные порядки. «Отныне будем каждый день есть борщ», «привез я тебе материал, сшей платье, только обязательно по-городскому» – это первые «инструкции» Мухтара для Ольмесхан. Также, на следующий день, «не обращая внимания на осуждающие взгляды жены, надел ялтинский костюм, повязал галстук и отправился в контору... Аульчане... долго смотрели вслед, цокали языками». Ольмесхан, прожившая весь месяц в страхе и тревоге, видя плохие сны, «готовилась встретить Мухтара больного, несчастного...». Увидев «живого и невредимого», была счастлива, и, проявив мудрость, не стала спорить с мужем, несмотря на подозрения, что у того «с головой не в порядке: уж очень срамно одет, и речи какие-то непонятные, требования несуразные».

Попытка такого наивно-механического перенесения героем заимствованной модели жизни на собственное бытие, соединения привычного, размеренного порядка с новым, не до конца понятным, но продолжающим притягивать, не

привела к плодотворному компромиссу. Мухтар, к радости жены, «прекратив чудить», возвращается к своей обычной одежде, папахе, отдает курортный костюм и шляпу сыну, больше «не настаивает на борще». Таким образом, внешнее проявление, видимая сторона внутреннего конфликта преодолевается: герой смиряется, становится вновь «как все».

Сложнее было с дисгармонией в глубинах сознания Мухтара, смущенного и растревоженного ялтинским отдыхом. Герой все больше, пытаясь преодолеть свое ощущение внутреннего разлада, предавался размышлениям. Он продолжал искать единство в переплетении традиционных (национальных) и современных (универсальных) теперь уже духовных ценностей, но также не мог совместить и уравновесить их. Поскольку для этого требуется более высокий уровень и качество духовной работы, интуитивно, в поисках опоры, отчаявшийся Мухтар обращается в мыслях к Ивану Харитоновичу. В своего рода исповеди-самоанализе он пытается понять причину неудовлетворенности внешне благополучной собственной жизнью Дома, причину не отпускающей его притягательности Мира. «Ох, какой я скучный! И нелюдимый, замкнутый... Сиротой рос, о куске хлеба думал, работал, работал и ничего другого не видел. Работал, молчал и думал... У нас считают, что я счастливый человек, всем доволен, все у меня в порядке: четверых детей ращу, семья крепкая, дружная, в совхозе почет и уважение – и ошибаются. Чего-то не хватает, что-то не дает мне покоя... Приехал бы, поговорили бы, помог бы, может, разобраться, объяснил бы, отчего так тоскливо бывает иногда». Мухтару, терзаемому мыслями, приснился в ту ночь отец, образ которого он мог себе представить только по фото с рамки на стене. Во сне Мухтар не мог окликнуть, остановить уходящего отца, а тот обернулся, чтобы строго и требовательно посмотреть на сына. Значит, что-то Мухтар делает не так, если образ отца, символизирующий дух предков (*аруак*), им недоволен?

Потрясенному сознанию Мухтара, переросшему первый уровень человеческих потребностей (еда, жилье, одежда, источник дохода) явно недостаточно того, чем он вынужден жить теперь. В Ялте «месяц был как целая жизнь, а тут – целая жизнь как месяц: дом, аул, работа, аул, дом». «Опять один день не отличишь от другого. Сегодня – то же, что вчера, вчера – то же, что позавчера. Скука! От таких мыслей ему казалось, что все вокруг приобретает тоскливо-желтый оттенок: желтели белые стены дома, зелень листьев, лица собеседников и даже всегда голубое небо над аулом». Мухтар инстинктивно хочет выйти из круга бесплодной обыденности, ищет более возвышенный смысл в своем существовании, другие дали (метафорический образ моря). Теперь он особенно «мрачнеет» и раздражается от «проблем» Ольмесхан: «неплохо бы купить для Али машину после армии, чем мы хуже других?», «брюки для Мурата в тридцать рублей обошлись», «джинсы для Али – в двести, сапоги – в шестьдесят, все парни аула носят такие, а чем Али хуже?». «Не жизнь, а соревнование», – вздыхал Мухтар, хотя ничего не имел против того, чтобы у его детей все это было, но и «не собирался копить, экономя на еде, подрабатывать на стороне за шальные деньги или торговать на рынке...» ради всего этого. Не хотел, чтобы такой круговорот бесконечных, малозначащих проблем и дел затягивал его, за-

полнял содержание отпущенного ему срока. Он «впервые задумался о времени, о том, что оно может стремительно мчаться, но может и еле заметно ползти». Все зависит от значительности наполняющих его событий.

И. Капаев вновь, как и в предыдущих произведениях («Сказание о Сынтаслы», «Вокзал»), актуализирует проблему времени: циклического и линейного. Вновь герой, вырвавшись однажды из движения по кругу, на короткое время вступает на путь саморазвития («самоосуществления»), разомкнувшись в хронотоп универсального. В отличие от Тенгиза и Истэма, он остается на нем всего месяц (больше, чем Тенгиз, но гораздо меньше, чем Истэм).

Внутреннее ощущение Мухтаром своей «скучности, замкнутости», ограниченности – результат отрицания им самоценности, цельности собственной личности. Это, в свою очередь, проистекает от непосвященности в собственную духовно - культурную традицию, равноценную любой, ведь разное по содержанию и масштабу не означает разное по уровню качества.

У Мухтара Карамова следствием самоотрицания поначалу стало его решение о безоговорочном принятии порядков мира, «краешек которого ему удалось подсмотреть на курорте». Но дальше попытки адаптации в нем, путем копирования его внешних признаков (одежда, еда), дело не пошло. Растревоженное сознание героя было не в состоянии «переварить» новое, сделать его своей органической частью, так как не выдерживало требуемый для этого интеллектуальный уровень. Ведь диалектика взаимодействия миров только в том случае дает органическое единство, когда есть баланс уровней интегрирующих их акторов.

Мухтар, не способный к самостоятельному преодолению внутреннего разлада, отказавшись от глубокомысленных терзаний, вновь апробирует готовую модель, найдя ее теперь уже внутри своего социума. Как-то же связаны с этим прекрасным и интересным миром его обычные земляки, не обременяющие себя излишней рефлексивностью: причем, многие связаны «прочно и постоянно – у некоторых дети учатся в городах, у некоторых там есть родственники и друзья, аульчане принимают гостей из дальних мест, сами уезжают в гости в те неведомые края и возвращаются оттуда счастливыми; получают письма и отвечают на них», русскими именами называются, в ресторанах оставляют много денег... Почему-то «только он, Мухтар, никого не ждет в гости, никуда не ездит...». Чтобы уподобиться тем землякам, их глазами посмотреть на то, что волнует и притягивает его самого, он, подражая им, создает для себя социальную маску, персону, у которой уже и имя есть – Михаил Андреевич. Теперь она, персона, будет играть социальную роль, демонстрировать свою дружественную связь, пусть пока только одну, в большом интересном мире. Поверить в состоятельность такой затеи, оценить ее по достоинству, по мнению Мухтара, должны все, начиная с его домочадцев.

Отчаявшись получить настоящее подтверждение собственных связей с Миром – письмо от своего курортного друга, Мухтар пишет его самому себе (Михаилу Андреевичу) от имени Ивана Харитоновича, чтобы огласить его в присутствии удивленных домочадцев. Степень желания Мухтара иметь такое признание подчеркивает проявленная им изобретательность. Написав письмо, начинающееся: «Салам, Михаил Андреевич!», он едет в районный почтамт,

просит его русского служащего переписать написанный им текст своей рукой и отправить на свой аульский адрес. Благо, что заметивший районный штемпель на «письме из Донецка» аульский почтальон немой Апас не сможет публично уличить Мухтара в подлоге. О «письме из Донецка» Мухтар задумал рассказать и своему преуспевающему ныне другу детства Парисбию, который, как никто другой, по достоинству должен был «оценить событие». В образе Парисбия (в универсальном мире – Бориса Семеновича), предприимчивого человека с «Волгой», домом с коврами-хрусталем, с обширными «полезными» связями, веселого, хлебосольного, собиравшего у себя исключительно нужных ему людей, имевшего переписку с людьми из разных городов, угадывается та самая модель, которую теперь копирует Мухтар. Порой, слушая читаемые другом вслух письма, приходящие издалека, Мухтар завидовал, «такие они были теплые, искренние, с пожеланиями... Ему все нестерпимей хотелось тоже получать такие письма, пусть только и от одного...». При этом герой вовсе не завидовал статусу друга детства, напротив, «на него давили» его «Волга», дом... Мухтар просто хотел получать такие же письма, как он. При этом он искренне не понимал, зачем всем этим людям нужен такой человек, как Парисбий, внутренне пустой, бессодержательный...

Ничего, кроме разочарования, от своей затеи Мухтар не испытал. Домочадцы, за обедом, едва дослушав письмо, отреагировали несколькими репликами и, оставшись равнодушны, переключились на свои дела. Больше всего его удручало то, что «сыновья, не такие темные, как мать, Али – десятилетку кончил, да и Мурат – неглупый парень», не могут порадоваться с отцом.

Даже Парисбий, на которого была особая надежда, встретив друга заносчивыми речами о своих успехах, «сдерживая зевоту, вяло, отрывочно разговаривал с ним», а прочитав письмо, оценил только содержащееся в нем упоминание о себе, попросил адресок Ивана Харитоновича, «в гости зайти» в Донецке, а узнав, что он шахтер, и вовсе потерял интерес ко всей истории. «Ничего им не интересно», – горько заключил Мухтар, думая о реакции домочадцев (равнодушной) и Парисбия (прагматичной) на такое событие в своей жизни.

Уже вторая по счету модель взаимодействия героя с Миром обнаруживает свою несостоятельность. Она не принесла ему ожидаемого удовлетворения и душевной радости не только потому, что изначально была основана на фальши (письмо самому себе). Мухтара терзало осознание того, что даже такой экзотический способ, изобретенный им, не помог ему получить то самое признание, каким запросто, без всяких хитростей, наслаждались на глазах у героя его обычные земляки.

В финале повести – не теряющий надежду Мухтар Карамов. «А как было бы отлично, если бы мы хоть изредка переключались: «Салам, Михаил Андреевич! – Здравствуй, Ян Харитон улы!» – восклицает он и берет в руки свирель, которая еще долго, почти до ночи, источала его «задумчивую гортанную мелодию».

Открытый финал повести оставляет в размышлении не только читателя, но и самого героя, и это символизировано в долго звучащей задумчивой мелодии.

Таким образом, анализ повести И. Капаева «Салам, Михаил Андреевич!» показал, что писатель, задавшийся целью осмыслить характер эволюции созна-

ния иного, чем герои его ранних повестей, типа личности своего соплеменника, уже состоявшегося, более укорененного в почву, ориентирует читателя-сотворца его произведений на неординарные выводы.

Столь очевидная внутренняя неудовлетворенность Мухтара Карамова, оказавшегося однажды между Домом и Миром, есть порождение его более развитой, чем у земляков, индивидуальности, его творческого мировосприятия, а также изначально жившего в глубине его сознания и проявившегося в короткий период ялтинского отпуска подлинного интереса к многообразию мира. Драматизм «потрясенного сознания» героя имеет причиной то, что от контактов с большим миром ему нужно гораздо больше, чем его землякам. Он испытывает потребность в диалоге с ним, причем в таком, чтобы «не переставать быть самим собой, открывая в себе душевную предрасположенность к теплой диалогической общительности» [Султанов 2019: 145], чтобы не подвергать ломке важное, стержневое в нем самом. В то же время он осознает свою неготовность к такому взаимодействию, ввиду недостаточной осведомленности в собственной традиции («ни имя, ни обычай свой» на необходимом уровне он не может сказать¹, почему и называет себя Михаилом Андреевичем).

Поиск реального выхода героя с «диалогическим мышлением» из долгих и пока бесплодных раздумий делегирован И. Капаевым уже следующим ипостасям его Карамова, личностям с более высоким уровнем самосознания, – Айдару и Кобеку Карамовым – главным героям повести «*Кокь карлар*» («Синие снега») и романа-притчи «*Суйлдер*» («Книга отражений»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 2024 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Издательство АСТ, 2024. – 448 с.

Капаев 1982 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! Повесть // Знамя. – М, 1982. – № 7.

Капаев 1984 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! Повесть/лер эм хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1984. (на ног. яз.).

Капаев 1985 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! / Капаев И. Гармонистка. – М.: Современник, 1985. – С. 3-61.

Капаев 2011 – Капаев И.С. Салам, Михаил Андреевич! / Капаев И. Собрание сочинений в 4-х ТТ., Т.2. М.: Голос-Пресс, 2011 г. – С. 165–255. (на ног. языке).

Караева 2019 – Караева З.Б. Тексты и смыслы в творчестве Исы Капаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – С. 310-312.

Султанов 2007 – Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М: Наука, 2007. – 301 с.

Султанов 2019 – Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М., ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.

Суюнова 1999 – Суюнова Н. Х. И жизнь продлится. Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.

Суюнова 2023 – Суюнова Н.Х. Тема творчества и образ художника в повести Исы Капаева «Синие снега» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 354-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK.

¹ «Если вы люди, имеющие обычаи, то скажите свой обычай, если вы люди, имеющие имя, то скажите свое имя» (Золотая книга монгольских летописей) – эпитафия к роману И. Капаева «Вокзал».

Суюнова 2024 – Суюнова Н.Х. Образ детства в сознании автобиографического героя повести И. Капаева «Куржын» («Куржун, в котором спрятано детство») // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226 EDN: NSCFUK.

REFERENCES

- BAKHTIN M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. – М.: Izatel'stvo AST, 2024. – 448 p. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich! Povest'* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: *Znamya*. – М., 1982. – № 7. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich! Povest'ler em khabarlar* [Salaam, Mikhail Andreevich! The story of em khabarlar]. – Cherkessk: Kara-chaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. (in the Nogai language).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich!* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: Капаев I. *Garmonistka*. – М.: Sovremen-nik, 1985. – P. 3-61. (In Russ.).
- КАРАЕВ I.S. *Salam, Mikhail Andreevich!* [Salaam, Mikhail Andreevich!]. In: Капаев I. *Sobranie sochinenii v 4-kh TT., T.2*. М.: Golos-Press, 2011 g. – P. 165–255. (in the Nogai language).
- КАРАЕВА Z.B. *Teksty i smysly v tvorchestve Isy Kapaeva* [Texts and meanings in the work of Isa Kapaev]. In: *Nogaitsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu* (Sbornik materialov III -i mezhdunarod-noi nauchno-prakticheskoi konferentsii 2-6 oktyabrya 2019 g.). – Cherkessk, KChIGI, KChGU, 2019. – P. 310-312. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to the World: Ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]; Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. – М.: Nauka, 2007. – 301 p. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [The angle of refraction. Literature and identity: a communicative aspect]. – М., IMLI RAN, 2019. – 352 p. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *I zhizn' prodlitsya. Khudozhestvennyi mir Isy Kapaeva* [And life will last. The art world of Isa Kapaev]. – Stavropol': Stavropol'servishkola, 1999. – 152 p. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *Tema tvorchestva i obraz khudozhnika v povesti Isy Kapaeva «Sinie snega»* [The theme of creativity and the image of the artist in Isa Kapaev's story "Blue Snows"]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 3. – P. 354-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK. (In Russ.).
- SUYUNOVA N.Kh. *Obraz detstva v soznanii avtobiograficheskogo geroya povesti I. Kapaeva «Kurzhyn» («Kurzhun, v kotorom spryatano detstvo»)* [The image of childhood in the mind of the autobiographical hero of I. Kapaev's story "Kurzhyn" ("Kurzhun, in which childhood is hidden")]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2024. – № 1. – P. 215-226. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-215-226 EDN: NSCFUK. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

N.H. Suyunova – Doctor of Philology, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.